

Дворцовая стража в основном была отозвана для охраны зала Юаньхэ, поэтому Пэй Чоу, пройдя через императорский сад, почти не встретил слуг.

Его голова была мутной, земля под ногами казалась колеблющейся. В раздражении он закрыл глаза и тряхнул головой.

В ушах зазвучал шум текущей воды. Следуя за звуком, он спустился вдоль реки и вскоре вышел к озеру.

У озера стоял павильон. При лунном свете Пэй Чоу с трудом разобрал надпись на табличке: «Слушание Волн».

В павильоне были расставлены стол, стулья и лежанка, казалось, даже курились благовония. За полупрозрачными занавесками это место казалось идеальным для любовных свиданий.

Он не пошел в павильон, а раздвинул траву у края и спустился по склону ближе к озеру.

В Ханьцзине с каждым днем становилось все холоднее. Озеро покрылось тонким слоем льда. Стоя на берегу, Пэй Чоу мог разглядеть темные воды, текущие под прозрачным ледяным покровом, поблескивающие искорками.

Опьянение еще не прошло. Он тупо смотрел на поверхность озера, и в помутневшем сознании всплыли детские воспоминания.

Когда он впервые оказался в Даюане, его первоначальному телу было всего двенадцать лет. Он уже был известным в Цзяньмэне вундеркиндом. Через несколько лет ему предстояло сдать экзамены на степень цзюйжэня, затем участвовать в столичных экзаменах, отправиться в Ханьцзин и сделать успешную карьеру.

Предки рода Пэй когда-то занимали высшие посты «трех гунов», но со сменой династий и превратностями судьбы ко времени правления Даюань отец Пэй Чоу был всего лишь помощником начальника уезда восьмого ранга. Человек он был довольный своей судьбой, не стремившийся к богатству и славе для сына, а лишь желавший ему спокойной и благополучной жизни.

В Цзяньмэне было много гор и рек. В свободное от службы время отец часто брал его с собой, ходил по полям и среди горных вод, трудился вместе с крестьянами, торговался с торговцами и записывал все увиденное и услышанное в дневник.

Тогда Пэй Чоу не понимал, зачем нужен этот дневник. Когда же он осознал, его родители уже погибли от рук разбойников в безлюдной местности.

Оставшись один, он с трудом вырос, полагаясь лишь на смутные воспоминания из первоначальной книги, и в итоге пробился в чиновничьи круги Ханьцзина.

Он помнил, как накануне дальнего путешествия отца они вместе ловили рыбу в реке.

Рыба яростно билась в ладонях, обрызгивая его брызгами. Звонкий смех отца все еще звучал в ушах.

И вдруг — страшная весть.

Пэй Чоу уставился на ледяную поверхность и вдруг увидел, как в воде проплывает серебристая

чешуйчатая рыба. Он слегка расширил глаза.

Будто подчиняясь неведомой силе, он сделал шаг вперед и наступил на лед.

— Хрусть.

Как и следовало ожидать, нога провалилась сквозь лед. Пэй Чоу инстинктивно отпрянул назад, тело пошатнулось, и лицо во что-то ткнулось, при трении по нему размазалось что-то мягкое.

Пэй Чоу в неловкой позе отступил на берег. Краем глаза он заметил несколько круглых и симпатичных рогозов, колышущихся на ветру.

Пэй Чоу вытер лицо рукавом.

Все, что произошло за эти мгновения, увидел один человек.

В последнее время у Цинь Яня было плохое настроение, и он ни с кем не церемонился. Чиновники, гражданские и военные, завидя его, обходили стороной.

Только что на пиру он сидел ближе всех к императору Цзинфэну и видел, как Лю Баожун и старый шарлатан из храма Хуанцзи оживленно беседовали, говоря какие-то непонятные речи о поисках бессмертия и рассуждениях о Дао.

Цинь Янь с каменным лицом опускал голову и пил вино, в душе презирая их.

Если бы в мире действительно существовали всемогущие бессмертные, почему бы им не спасти народ от страданий?

Если бы действительно были бессмертные... разве они не услышали бы его сердечных дум?

Цинь Янь пил, но становился только трезвее. В конце концов он отставил бокал, попрощался с императором Цзинфэном и вышел из зала подышать ветерком.

С самого детства он целыми днями буянил и валялся во дворце и мог найти дорогу с закрытыми глазами.

Императорский сад Цзинфэна он знал отлично. Идя против холодного ветра, он дошел до павильона Слушания Волн и как раз стал свидетелем только что произошедшей сцены.

Скрываясь за искусственной горой, Цинь Янь стоял в тени и наблюдал за глупой выходкой «Пэй Сяошаня», его глаза были темными.

Вернувшись на берег, Пэй Чоу сначала осмотрелся, убедился, что вокруг никого нет, затем приподнял полы чиновничьего халата, снял обувь и носки, обнажив привязанную к лодыжке толстую шерстяную повязку.

Цинь Янь внезапно не смог сдержать дрожь.

Нога провалилась довольно глубоко, шерстяная повязка промокла наполовину. Пэй Чоу снял ее, выкрутил, убрал, снова надел обувь и носки и собрался уходить.

Только повернувшись, он столкнулся с чьей-то грудью.

Его взгляд достигал только ключиц этого человека. Естественное чувство давления заставило

его невольно отступить назад. Еще мгновение — и он снова бы оступился в пустоту, но этот человек протянул руку, подхватил его и притянул к себе, живот к животу, крепко удерживая.

Практически все лицо Пэй Чоу уперлось в грудь этого человека, он не мог пошевелиться.

Он размышлял, как бы освободиться, но этот человек пошевелился.

Он взял Пэй Чоу за подбородок, повернул вправо и внимательно рассмотрел его левое ухо.

Мочка уха была маленькой, белой и чистой, без каких-либо следов.

Казалось, человек был недоволен. Он снова повернул его лицо прямо, приблизился еще ближе, чтобы рассмотреть, и заодно стер остатки пуха с его лица.

Озерный ветер безжалостно дул. Пэй Чоу протрезвел немного, жар на лице постепенно спал.

Наконец он разглядел черты лица этого человека.

Цинь Хэчжоу.

Пока этот тип мял и тискал его как хотел, в сердце Пэй Чоу вспыхнула безымянная злоба.

Он сильно наступил Цинь Яню на ногу и, воспользовавшись его замешательством, ударил локтем по подбородку.

Каждое движение было исполнено с полной силой, и расстояние между ними успешно увеличилось.

— Генерал Цинь снова перебрал? На кого на этот раз принял вашего покорного слугу?

В душе Пэй Чоу просто стонал от невезения. Каждый раз, когда этот тип пьян, каждый раз ему приходится с этим сталкиваться.

Цинь Янь больше не пытался прикасаться, лишь пристально смотрел на его лицо и сказал:

— Я не пьян.

Что ж, у этого типа всегда была отменная выпивоха, несколько кувшинов — и ни признака покраснения.

Хотя нет, в тот раз в «Персиковом источнике» он явно был не в себе.

Пэй Чоу размышлял над правдивостью слов Цинь Яня и не отвечал.

Цинь Янь прокатил это трехсложное имя на кончике языка и сказал:

— Ланчжун из Министерства церемоний Пэй, молодой господин Пэй?

— Недостойный, это именно ваш покорный слуга.

Цинь Янь снова сказал:

— Ваша родина в Цзинчжоу, почему вы сами попросили о переводе в далекий Цзяньмэнь?

Но Пэй Чоу улыбнулся:

— Разве генерал не знает?

Цинь Янь промолчал.

Пэй Чоу продолжил с улыбкой:

— Покойный первый министр — двоюродный дядя вашего покорного слуги, генерал ведь в курсе?

Ресницы Цинь Яня дрогнули.

— Покойный первый министр как-то говорил вашему покорному слуге, что в жизни его заботило лишь два дела: безопасность государства и благополучие родных и друзей. Больше всего он сожалел, что после отъезда с родины так ни разу и не вернулся туда посмотреть.

Цинь Янь вдруг отвернулся.

— У вашего покорного слуги судьба одиночки, несущего зло. Родители и родственники погибли, недавно найденный двоюродный дядя тоже внезапно покинул этот мир. Теперь я одинок, не намерен долго оставаться на службе, хочу лишь вернуться на землю предков, охранять родовой храм Пэев и дожить остаток дней.

— Есть ли у генерала еще что спросить?

Спрашивай, спрашивай быстрее, спросишь — я сочиню, закончишь вопросы — проваливай.

Цинь Янь прикрыл лицо рукой и вдруг усмехнулся, как бы над собой.

Пэй Чоу слегка опешил.

Цинь Янь больше не взглянул на него, повернулся и покинул павильон Слушания Волн.

Этой ночью слуги в усадьбе ланчжуна уже спали, но Пэй Чоу еще не ложился.

Во дворе не зажигали свет. Пэй Чоу при лунном свете упражнялся в кулачном искусстве, движения были хоть и не очень сильными, но зато изящными.

Пэй Сяошань по натуре был бережливым, в усадьбе ланчжуна, включая его самого, было всего четыре человека. После перерождения Пэй Чоу переселил остальных в один двор, а сам перебрался в самую отдаленную комнату, как раз чтобы в тишине глухой ночи вспомнить навыки из прошлой жизни.

В последнее время, занятый делами, он несколько расслабился, и вот — столкнулся с этим исчадием ада.

Чувство, когда тебя сдерживают, действительно неприятно.

Пэй Чоу поднял с клумбы ветку, взвесил ее в ладони, провернул запястьем, выполнил мельницу мечом и внезапно нанес укол.

Хотя ветра не было, листья и ветви на дереве впереди затрепетали.

Пэй Чоу отдернул руку и вздохнул.

Его оружием в прошлой жизни был гибкий меч по имени Линцзюнь. Кроме Коу Яня, почти никто об этом не знал.

Тот меч обычно был обернут вокруг его талии, во время сна клался у изголовья. По логике, когда он внезапно погиб, и Палата Дали распорядилась собрать его тело, меч должны были изъять.

В день погребения тела Пэй Чоу он тщательно осмотрел гроб — не нашел. Позже он тайно пробрался в Резиденцию великого наставника, обыскал все места — и следа не было.

Значит, меч забрал тот, кто его убил.

Но даже если меч был искусно сделан из хороших материалов, была ли необходимость его присваивать?

Пэй Чоу снова взял ту ветку, в глазах мелькнула свирепость. Тело следовало за мыслью, и комплекс фехтовальных приемов был исполнен, словно полет прекрасной птицы.

Когда звезды склонились, а луна закатилась, Пэй Чоу наконец умылся и лег отдыхать.

Ханьцзин в целом делился на четыре «квартала» — восточный, западный, южный и северный, внутри которых, в свою очередь, было более девяноста больших и малых «рынков». Повозки, лошади, рис и зерно в основном были в западном квартале, чтобы купить парчу и готовую одежду, нужно было идти в восточный. Северный квартал, ближайший к дворцовому городу, имел больше всего чайных и винных заведений. Что касается южного квартала — это было место сбора всякого сброда.

<http://bllate.org/book/15464/1368177>